

KNYGU RECENZIJOS

«УМЕЙТЕ ЖЕ БЕРЕЧЬ...»

Элеонора Лассан

Вышел в свет очередной (VII) выпуск альманаха «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике»¹, составитель и редактор которого – Павел Лавриненц, замечательный исследователь русской культуры в Прибалтике, своеобразный археолог, поднимающий пласты русской культуры и являющий малоинформированному обществу достойные воскрешения имена. Я пишу этот обзор как благодарный читатель, неожиданно наткнувшийся на книгу редкой издательской культуры, интереснейшего содержания и прекрасного русского языка. Составитель так характеризует цель предпринимаемого исследования: «представить многомерную картину русской культуры балтийских стран в исследованиях и публикуемых материалах, архивных либо некогда увидевших свет, но уже недоступных публике» (с. 5). Нужно сказать, что предыдущие выпуски альманаха были осуществлены в Таллинне и Риге. И вот книга, сохраняющая тематику прошлых выпусков – история межкультурных и межконфессиональных связей, прибалтийские немцы, старообрядцы, – вышла в Вильнюсе. Остановлюсь на ее структуре:

- I. Печать и литература.
- II. Свидетельства.
- III. Этнополитические программы и интерпретации.
- IV. Искусство и театр.
- V. Биография и мемуары.

Из первой части читатель узнает, например, о газете «Petserlane – Печерянин», выходившей на территории включенного в состав Эстонии Печорского края (статья Татьяна Шор), некоторые фрагменты из которой могут звучать актуально и сегодня для

русского уха в Прибалтике («Русский язык и русская литература – символы русской души и ключи к ней. Само собой понятно, что русский, не знакомый подробно с русской литературой, не может претендовать на звание образованного человека. <...> И вот, в настоящее время становится возможным, что русский язык будет изгнан вовсе из старших классов средней школы». Это было написано в 1920 г. редактором русской части газеты В. Адамсом, полагавшим, что без учебников обойтись можно, но без текстов – нельзя, и потому горячо призывавшим русскую читающую публику поделиться своей библиотекой со школами). На страницах статьи Т. Шор о газете «Печерянин» оживает подлинно подвижническая деятельность «узкого круга людей, знающих невысокий уровень культурных запросов своей аудитории, тем не менее рискнувших своим временем и средствами для претворения в жизнь своей мечты о просвещенной провинции».

Из статьи Аурики Меймре «Петр Пильский и его гонорары» я узнала о деятельности известного критика П. М. Пильского в эстонский период его жизни и о многих бытовых вещах, позволивших представить весьма вечно простую повседневную жизнь Эстонии. Например, П. М. Пильский получал 25 000 марок в месяц, в то время как средний оклад редакции составлял 6 300 марок. Приличную квартиру в Ревеле можно было снять за 800–900 марок в месяц, фунт масла стоил 70–80 марок, фунт свежей салаки – 5–6 марок, фунт сахара – 30 марок, четверик картофеля – 115–120 марок. В этих деталях быта встает время в его запахах, вкусовых ощущениях и повседневных проблемах.

¹ ЛАВРИНЕНЦ, Павел (сост. и ред.) Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Вильнюс, 2003, 393 с.

В приложении к статье Аурики Меймре включены фрагменты журналистского наследия Пильского, о котором его современники говорили как о «выразительнейшем представителе ... европейской культуры. Той культуры, что ... в бедах и нуждах чужбинного быта спасает русских эмигрантов от одичания и опошления...». И я, читая строки Пильского, ощущаю встречу с исчезающим русским языком, необыкновенно выразительным и в то же время лишенным речевой экспрессии подворотен, захлестнувшей язык современный. И те, кто хочет оживить ощущение изысканной простоты и выразительности языка, не могут не испытать наслаждения, читая, например, следующие строки Пильского:

Какой приятный городок, – Юрьев.

Он называется теперь так:

– «Tartu!»

Впрочем, и еще:

– «Dorpat».

Его ласковая зелень, его светлые улицы, и задумчивая тишина, и неторопливый темп всей жизни успокаивают душу, сосредоточивают мысль, перенесят в какой-то тихий угол Германии, в провинциальный университет, в атмосферу ученой размеренности, умственной дисциплины и традиций труда, в обитель гелертов, высоколобых, седых исследователей и юных студентов, беззаботно приобщающихся тайнам строгой науки, но и веселого флирта, меняющих тяжкие фолианты на пенящиеся ливные кружки...

Интересно, что архивные материалы VII выпуска Балтийского архива позволяют представить жизнь русской эмиграции сквозь призму различных мировосприятий. Вот Пильский о жизни эмигрантов: «Здесь будет уместно сказать, как легко живется в Эстонии русскому беженству. Без преувеличения: оно сроднилось с Эстонией. Решительно от всех мне пришлось слышать равно благодарные отзывы. В самых различных кругах мне говорили одно и то же – о нестесненности, о свободе, особенно об эстонской благожелательности» («В Эстонии»). *Сегодня*, 1922, № 234, 18 октября).

А вот строки из записки русского эмигранта в Эстонии генерал-лейтенанта А. К. Баюва, составленной им для баронессы Врангель, собирающей Архив русской эмиграции: «Моральное настроение русских эмигрантов в настоящее время удручающее. Его можно охарактеризовать двумя словами: разочарование и усталость. <...> Оглядываясь кругом, эмигранты видят, что обстановка приводит к тому, что с ними считаются все меньше и меньше. Безнадежность положения с большевиками и ухудшение материального благосостояния эмигрантов невольно заставляет аборигенов страны – эстонцев – неглижировать эмиграцию и смотреть с точки зрения граждан процветающего, хотя бы и внешне, государства на эмигрантов свысока. Делается горько и обидно, особенно, когда вспоминают, что было еще не так давно время, когда по праву было обратное» (июнь 1931 г.). Возможно, десятилетие, разделяющее строки Пильского и Баюва, оказало такое влияние на изменение ситуации «русского беженства», возможно, здесь сказался разный угол зрения: монархист Баюв, полагающий, что по праву русские могут смотреть на эстонцев свысока, не смирившись с ситуацией иного рода. Вместе с тем я не до конца могу согласиться с комментариями С. Г. Исакова, предваряющими записку, в которых говорится об односторонне изображенной Баювым картине положения в Эстонии. Тот факт, что русофобии в Эстонии было значительно меньше, чем в Польше или Финляндии (Исаков говорит об этом), не восполняет картину русской жизни в Эстонии, он только дополняет панораму эмигрантского бытия. Вряд ли русским эмигрантам в материальном или в психологическом отношении было легче от знания того, что где-то еще хуже.

Вообще архивные материалы, будь то в разделе «Свидетельства» или в разделе «Печать и литература», дают богатейшую пищу для размышления об истории славянской культуры, делавшейся в странах, некогда считавшихся окраинами великой империи. Что греха таить, ведь и мы, носители русской культуры, получившие воспитание в

советской системе, до определенного момента думали, что русская культура XX века делалась только в Советской России, потом – с падением системы) – что она делалась русской эмиграцией во Франции, Германии или Америке. «Балтийский архив» заставляет понять, что она делалась и там, где сейчас мы живем, и что эта культура есть наше достояние, лепта предшественников в общий культурный слой бытия. Я с огромным интересом читала подготовленные к публикации П. Лавринцом 27 писем К. Д. Балмонта педагогу, переводчику и писателю Ф. И. Шуравину, осуществившему перевод на русский язык литовских сказок, пересмотренных русским поэтом, переписку Г. Н. Трубецкого, русского дипломата, публициста и общественного деятеля, с Марианом Здзеховским, ректором Вильнюсского университета в межвоенные годы, известным славистом, лекции которого в Сорбонне, по словам автора публикации и комментариев Софии Филипчик, «усердно посещали Н. А. Бердяев, В. Карташов, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, Г. Н. Трубецкий».

Огромный интерес, на мой взгляд, представляют материалы по культуре старообрядцев, в частности документы их светской жизни, например, речь единственного депутата-старообрядца, произнесенная им в Сейме в 1937 г. по поводу бюджета министерства просвещения. Не могу удержаться от цитирования актуальных и сегодня слов: «Я вижу решение задачи (стоящей перед школьной политикой – Э. Л.), чтобы школа воспитывала новые поколения граждан в духе дружного сожительства поляка с неполяком, католика с некатоликом. Школа должна сгладить всякий антагонизм и заботливо предохранить молодые поколения от рождения такого как на почве вероисповедания, так и национальной» (с. 136).

Материалы старообрядческой печати очень широко представлены в приложении к статье Григория Поташенко «Русские староверы Польши и Литвы в 1920–1930 гг.», на которой мне хотелось бы остановиться подробнее. Это – статья, представляющая системный анализ старообрядческой куль-

туры не как культуры изолированной, примитивной, а как особой ветви русской культуры, находящейся в определенной взаимосвязи с общими эстетическими и духовными поисками эпохи. Мне глубоко по душе делаемая автором попытка описания этой культуры, суть которой Поташенко формулирует так: «В истории культуры делается попытка не описать «памятники» прошлого (это всего лишь накопление материала для нее) и не интерпретировать отдельные тексты (это задача интеллектуальной истории, философии и литературоведения), но реконструировать изменения структур ценностей, генерировавших эти памятники, и способов применения этих структур ценностей в обществе».

Заканчивая обзор вышедшего альманаха, хочу еще раз подчеркнуть, что материалы этого тома обладают несомненной информативной и эстетической ценностью. В числе авторов тома представители разных культур, назову имена авторов, до сих пор мной не упомянутых: Асия Ковтун (Каунас), Людмила Спроге и Вера Вавере (Рига), Виктор Бойков (Таллинн), Дарюс Сталюнас (Вильнюс), Лия Сарлин (Таллинн), Йолита Степонайтене (Вильнюс), Эдуард Мекш (Даугавпилс). София Филипчик в комментариях к переписке Здзеховского и Трубецкого приводит слова польского слависта, произнесенные им от имени краковского Славянского клуба в Московском вспомогательном обществе: «Славянский клуб в Кракове решил воздержаться от всякой политической деятельности и ограничиться изучением славянства, ознакомлением с выдающимися явлениями его умственной жизни». Мне думается, что создатели альманаха «Балтийский архив» идут тем же, единственно плодотворным путем.

Остается сказать, что издание тома осуществлено при поддержке Министерства культуры Литовской Республики и Департамента национальных меньшинств и эмиграции при Правительстве Литовской Республики.

Инициаторы и создатели Балтийского архива верны завету И. Бунина: берегут «наш дар бесценный – речь». Спасибо!

ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Малгожата Червиньска

Двухтомное издание новой книги известного польского слависта когнитивного направления Ивоны Новаковской-Кемпна¹ заслуживает, на наш взгляд, внимания языковедов разного профиля. Исследования такого объема и такого научного уровня выходят в свет сегодня, к великому сожалению, не часто, и путь их в печать, а затем к читателю часто весьма тернист и труден. Выпускаемые небольшими тиражами, такие исследования быстро исчезают с книжных прилавков и потому становятся для нас труднодоступной библиографической редкостью – и в стране издания, и, тем более, за ее рубежами.

В основе книги И. Новаковской-Кемпна, содержание которой позволим себе сформулировать по-русски как *концепцию чувственного мироощущения в польскоязычной традиции*, лежит, прежде всего, всесторонний анализ психологических, психолингвистических и языковедческих теорий о связях языкового сознания человека, или мыслетформ, и средств выражения порождаемых этим сознанием образов-интерпретаций, эмоциональных реакций, воплощаемых посредством лексического богатства современного польского языка. Поэтому в работе известного польского языковеда мы находим широкий диапазон отсылок к Дж. Лакоффу и Р. Лангакеру, М. Элиаде и Э. Фромму, Ж. Пиаже и А. Луриа, А. Кемпиньскому и В. Вундту, А. Вежибицкой и Х. Голдсмиту, Э. Рош и П. Экману, Ю. Апресяну и Й. Баргминьскому, что является несомненным достоинством этой работы, представляющей читателю обширный круг научных интересов, так или иначе связанных с темой предлагаемого исследования. Изложение концептуальных теорий дано автором в историческом развитии и их логической взаимосвязи.

В основу монографии положен разносто-

ронный и весьма вдумчивый анализ собственно языкового материала – семантики единичных лексем, называющих разнообразные чувства и эмоциональные реакции человека и животных, возможных контекстов их употребления, а также анализ польской фразеологии, связанной с прямым и косвенным выражением чувств и эмоций, что уже само по себе следовало бы считать новаторством в исследовании этого важного материала, до сих пор в полной мере лингвистами и психологами не изученного. Соответственно, и сам монографический труд следует рассматривать на стыке двух дисциплин – психологии эмоций и сравнительного языкознания, поскольку разработка проблемы ведется автором в сопоставительном ключе в контексте европейских (в основном неславянских) языковых культур, начиная с XIX столетия и заканчивая современной англоамериканской культурой.

Автор обращает внимание читателя на то, что системный подход в исследовании способов выражения и интерпретации проявлений чувств, является в первую очередь заслугой когнитивной теории, и подчеркивает, что именно эта теория сделала возможным концептуальный анализ когнитивных и лингвистических категорий (Taylor, Kleiber, Geeraerts, Rosch). Автор выделяет в лингвистике три основных направления исследования – постструктурный, генеративный и когнитивный. Большое внимание уделено в работе проблемам терминологическим, прежде всего проблеме использования разными авторами одних и тех же терминов в разных значениях, а также проблеме употребления, наряду с привычным понятием *метафоричности*, таких новых терминов англоязычной традиции, как *прототип*, *познавательная*

¹ NOWAKOWSKA-KEMPNA, Iwona. *Konceptualizacja uczuć w języku polskim*. Warszawa, 2000, cz. I: 489 s., cz. II: 435 s.

модель, радиальное и променальное в собственно категориальном.

С точки зрения автора, недостаточным оказывается сегодня и подразделение лексикологии на научную, общеупотребительную и просторечную, поскольку сложным представляется однозначное определение самого стандарта. В философском аспекте, по мнению автора, лингвистика столкнулась сегодня 1) со сближением прагматики и семантики (по Лангакеру), 2) с ключевым местом термина понимание как главной прагматической категории языка (по Лакоффу) и 3) с концепцией теории истинности высказывания (по Лакоффу и Джонсону).

Автор исследования, отталкиваясь от описанных уже прежде таких «размытых» языковых категорий, как *цвет* и *мера* (в нечисловых измерениях), основным предметом анализа делает категорию *чувства*, включающую широкую оттеночную гамму человеческих *самоощущений*, *эмоциональных реакций*, спонтанных и неспонтанных, *умозрительных наблюдений* и *демонстративных проявлений* как вербального, так и невербального характера. Особое место в анализе польскоязычного материала при этом, естественно, уделено *фразеологии* со значением *проявления чувств и эмоций*. Поскольку последним свойственны и так называемая *шкала ценностей*, или *ценностная шкала*, и *шкала интенсивности проявления*, или *степень реализации эмоции – чувства*, то монография И. Новаковской-Кемпна содержит, особенно в первой своей части, много интересных схем, таблиц и рисунков, что делает аналитические выводы автора наглядными и понятными для читателя.

Широкое привлечение автором исследования польского фразеологического материала привело к классификационному делению его на определенные группы, удобные для психолингвистического описания языковых единиц. С одной стороны, например, были выделены фразеологизмы, в состав которых входят такие *части человеческого тела*, как *грудь*, *голова*, *сердце*, *руки*, *ноги* (мате-

риальное), а также *душа* и *дух*, *вздох* (нематериальное). С другой стороны, в них выделены фразеологизмы с обозначением *состояния*, или *проявления чувств*, такие, как *тяжесть*, *тоска*, *печаль*, *грусть*, *сожаление*, *радость*, *холод*, *гнев*, *возмущение*, *страх*, *испуг*, *плач*. В то же время, актуальными оказываются фразеологизмы с глаголами *действия*: *придавило*, *душило*, *поднимался из глубины*, *чувствовал*, *склонил*, *свелся на грудь*, *опустил*, *раздиралось (на части, куски)*, *холодел*, *спирало (дух)* и др. Автор рассматривает их также с точки зрения теории *сценариев* (Peacocke), ментальной структуры *конкретной предметности*, или *образной схемы* (Lakoff, Johnson), а также *метафорического расширения категории* – глаголы *действия*, *состояния* и *процесса* (Langacker).

В результате описательного анализа данного языкового материала выделяются следующие семантические оппозиции: *верх – низ*, *спереди – сзади*, *слева – справа*, *близко – далеко*, *теплое – холодное*, *центральное – периферийное*, *часть – целое*, а также *правда – ложь* (как проверка каждого ощущения на *истинность – ложность*). Особое место в работе уделено так называемой *народной теории эмоций* (по Дж. Лакоффу), а также категориальным особенностям *просторечия* (по Й. Бартминьскому), с противопоставленностью в народной речи *нейтральности – эмоциональности*, *свободы – скованности*, *устности – письменности*, *полярности ценностной шкалы*, что проявляется в *антропоцентризме* ощущения (1) и *конкретизации* чувственности (2), *коллективности* как общности восприятия (3) и *типизации*, или, что будет точнее – *типичности* речевой ситуации (4). Здесь же автором рассматриваются концептуальная базовая основа каждого лингвистического значения и степень выразительности, или образности, высказывания, в основании которой заложена функциональная семантика составляющих метафорическое высказывание языковых элементов.

От оснований когнитивной семантики автор исследования непосредственно переходит к анализу вербализации эмоциональных состояний (прежде всего человеческих), а затем к метонимическим конструкциям польского языка, выражающим проявления чувств. Автор, в частности, рассматривает возможности описания эмоциональных состояний человека в ключе постструктуралистской теории с помощью так называемого *лексикографического портрета* (по Ю. Апресяну и А. Жолковскому). Языковые проявления чувств рассматриваются одновременно как *вербализованный язык тела* (по Б. Крик-Кастовскому), поскольку последний оказывается способом манифестации чувств, а потому является важным при концептуальном описании чувствозиявления личности.

Интересно, что переживания и чувства, играющие в жизни человека огромную роль, могут выражаться вербализацией действий, в иных ситуациях совсем не обязательно эмоционально значимых для субъекта. Такими примерами могут быть *растянуться*

пластом перед ... (перед объектом преклонения, но также и перед каким-либо предметом обстановки, т. е. лежать рядом с ним), *вывалить на колени* (что-то, например, съедобное, – как результат неожиданности эмоционального характера и как нелепая случайность, ситуативный казус).

Особый интерес представляет сопоставительный двуязычный материал, польский и болгарский, представляющий посредством анализа фразеологии национальные концепции таких чувств, как *гнев, радость, печаль* и *страх* (фразеологические единицы славянских языков совпадают только частично и, даже совпадая, могут семантически отличаться друг от друга). Однако и здесь языковые единицы со значением *чувств*, или *эмоций*, составляют на межъязыковом уровне определенные семантические группы, например, по сходству принципа выражения чувств: *лицо страдающего человека, утрата остроты зрения* (в печали), *изменение цвета кожи* (от тоски, страха, гнева), *болезненность реакций* (и степень проявления такой субъективной реакции).